

М.И. Золотарев, Д.Ю. Коробков, С.В. Ушаков,
Р. Пилленгер, А. Пюльц

РАСКОПКИ Т.Н. “БАЗИЛИКИ КРУЗЕ” В ХЕРСОНЕСЕ (УКРАИНСКО-АВСТРИЙСКИЙ ПРОЕКТ)

В 1996 году между Институтом археологии Национальной Академии наук Украины и Институтом археологии Академии наук Австрии был заключен договор о научном сотрудничестве, предполагающий проведение совместных работ по научно-исследовательской теме “Памятники раннего христианства на юге Украины и в Крыму”. На следующий год профессор Р. Пилленгер и доктор А. Пюльц (Австрия) в целях ознакомления с археологическими памятниками Крыма и подготовки программы дальнейших работ по проекту совершили совместно с профессором В. Зубарем научно-познавательную поездку в Крым. Их знакомство с памятниками юго-западного Крыма осуществлялось при непосредственном участии заместителя Генерального директора Национального заповедника “Херсонес Таврический” М. Золотарева. После завершения тура, к заключенному ранее договору о сотрудничестве с украинской стороны присоединился в качестве равноправного участника Национальный заповедник “Херсонес Таврический”. Была обсуждена и принята обширная и разноплановая программа дальнейших исследований, включающая проведение полевых археологических работ в Херсонесе. Тогда же был определен объект будущих раскопок - Базилика № 7 (т.н. “Базилика Крузе” (Рис.1).

Выбор для раскопок именно этого памятника был обусловлен тем обстоятельством, что в соответствии с предварительной разработкой архивных материалов именно здесь предполагалось оперативно получить наиболее значительную информацию по основной теме проекта. В 1998 году раскопки базилики № 7 были начаты.

Начиная в 1998 году новый этап археологического изучения базилики № 7, мы считали необходимым выяснить, какие конкретно работы и когда проводили здесь наши предшественники и каковы результаты этих исследований. Та часть существующей информации, которая восходит к Отчету К.К. Косцюшко-Валюжинича о раскопках им храма № 7 в 1891 году, в достаточной мере известна в научной литературе благодаря краткой версии Отчета, опубликованной в Известиях Императорской Археологической комиссии¹, а также подробному рассмотрению этих данных в обобщающих работах Д.В. Айналова² и А.Л. Якобсона³. Гораздо больше неясностей в начальной истории исследования этого памятника, поэтому именно ее мы стараемся восстановить здесь, на основе, в первую очередь, архивных материалов. Изучение этого вопроса тем более интересно, что по убеждению большинства авторов именно

раскопки базилики № 7 (вместе с раскопками еще двух храмов) положили начало археологическому изучению Херсонеса.

Относительно даты проведения первых раскопок в Херсонесе исследователи единодушны во мнении - это событие следует относить к весне-осени 1827 года. В Российском государственном военно-историческом архиве хранится составленное командиром Севастопольской инженерной команды инженер-подполковником Вербовским обширное "Описание местности, на которой находятся развалины Херсонеса, и предметов, достойных в нем примечания, с присовокуплением кратких исторических сведений", составленное 22 ноября 1827 года. В этом интереснейшем документе говорится: "По распоряжению главного командира Черноморских портов г. вице-адмирала Грейга сделано начало разрыванию строений внутри нового Херсонеса, открыта внутренность двух (!) строений, по расположению коих надобно принять за христианские храмы ..."4. Это событие достаточно подробно освещено также в малодоступных современным исследователям газете "Северная пчела" и журнале "Сын Отечества". Из них следует, что вице-адмирал А.С. Грейг поручил "известному своим просвещением чиновнику г-ну Крузе приступить к систематическому разрытию кургана на развалинах Херсонеса". И.В.Тункиной на основании архивных документов удалось установить, что первыми раскопками в Херсонесе руководил "плантер (т.е. садовод) Черноморского департамента

корабельных инженеров подпоручик Карл Крузе", а не мичман Николай Максимович Крузе, как это считалось ранее5.

Если личность пионера херсонесских раскопок теперь сомнений не вызывает, то несколько сложнее обстоит дело с определением топографии раскопанных им памятников6. Два из них достаточно точно локализируются на херсонесском городище, благодаря, прежде всего, пространным описанию хода работ, оставленному самим К. Крузе. Что же касается третьего, интересующего нас памятника (базилика № 7), то необходимы некоторые дополнительные уточнения для установления безусловного авторства К. Крузе. Большинство исследователей не сомневаются, что третьим объектом приложения трудов К. Крузе в Херсонесе является базилика № 7. Вместе с тем, такой великолепный знаток христианской архитектуры как Д.В. Айналов считал "... ясным факт, что храм № 7 не был раскопан Крузе, а кем-нибудь другим"7. Не был уверен в идентификации базилики № 7, с храмом, раскопанным К. Крузе, и А.Л. Якобсон8. Для понимания природы этих сомнений необходимо, на наш взгляд, восстановить прежде всего существовавшие в первой половине прошлого столетия представления об архитектурном облике херсонесских храмов и историю их исследования.

В упомянутой выше записке инженер-подполковника Вербовского, составленной 22 ноября 1827 года, речь идет только о двух раскопанных К. Крузе храмах. Однако в письме К.

Крузе от 8 декабря 1852г., обнаруженном Д.В. Айналовым в архиве графа А.С. Уварова, речь идет о трех раскопанных им в Херсонесе храмах. Тогда как описание раскопок двух памятников в письме дано достаточно полно, о третьем храме говорится очень скупо: «Кроме нескольких обломков мраморных, уповательно от колонн, не содержал ничего замечания достойного, и при том мои разведки не доходили до очищения пола, и здесь вовсе прекратились по причине тогдашних обстоятельств города Севастополя...»⁹. По всей видимости, очень незначительные работы на этом объекте были проведены в самую последнюю очередь и в официальный отчет Вербовского их результаты не попали по той причине, что он был составлен еще до их проведения. В письме же графу А.С.Уварову, составленном через четверть века после проведения им изысканий в

Херсонесе, К.Крузе достоверных подробностей просто вспомнить не мог.

Посетивший Херсонес в 1836 году председатель Одесского Общества истории и древностей Н.Н.Мурзакевич упоминает о существовании в Херсонесе развалин трех храмов, один из которых (находящийся на берегу бухты) был, вероятно, храмом № 7. На существование трех храмов, раскопанных в Херсонесе К.Крузе, указывает З.Аркас в своем «Описании древностей Ираклийского полуострова» - первом печатном труде о херсонесских древностях, составленном в 1840 году¹⁰. Однако в середине прошлого столетия не было ясно, к каким архитектурным типам принадлежат херсонесские храмы. Все исследователи, вплоть до начала раскопок графа А.С.Уварова, называли их просто «древними церквями» или «храмами». Для пояснения этого обстоятельства обратимся к

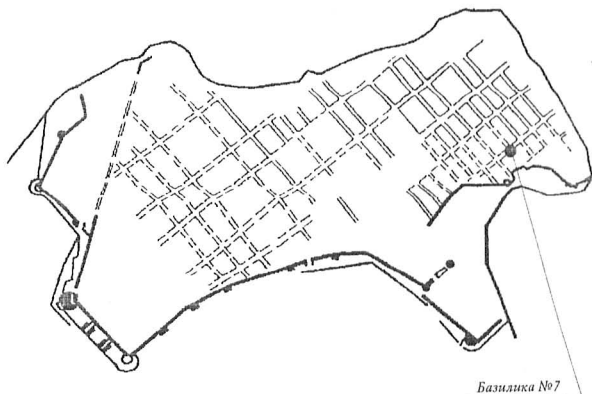

Рисунок 1.

План Херсонесского городища с обозначением места раскопок

существующим в середине XIX века первым планам Херсонеса, на которых обозначены известные в то время археологические объекты на городище. На плане Херсонеса, помещенном на титульном листе атласа, прилагаемого к книге Ф.Дюбуа де Монпере о его путешествии в Крым и на Кавказ, показаны три храма крестообразной формы, один из которых точно локализуется на месте храма № 7¹¹. Такое же расположение крестообразного храма № 7 на плане руин Гераклеийского полуострова из этого же атласа, где даны те же очертания Херсонеса, но в более мелком масштабе¹².

В книге З.Аркаса также опубликован план развалин Херсонеса. Следует отметить, что этот план не вполне корректен, поскольку на нем юго-восточная часть городища представлена с искажениями. По всей вероятности автор не решился показывать остатки древнего города на месте действовавшего еще тогда карантинного кладбища, расположенного в этой части городища. Но на месте храма № 7 З.Аркасом размещена крестообразная церковь. Закономерен вопрос: почему в первой половине XIX века на месте базилики № 7 изображали крестообразный храм? Нам представляется следующее объяснение этому.

До раскопок графа А.С. Уварова в Херсонесе были известны только два крестообразных храма, открытых К.Крузе. В третьем (храм № 7) было раскопано так мало, что его долгое время также считали крестообразным, а К.Крузе в своей записке даже назвал его "храмом готической

архитектуры"¹³. Скорее всего лишь с открытием А.С.Уварова стал известен новый тогда для российской археологии тип раннехристианского храма - базилики. До раскопок К.К.Косцошко-Валюжинича в 1891 году и выяснения плана постройки считали, что интересующий нас храм - крестообразной формы. И только в ходе этих раскопок окончательно было определено, что храм № 7 является базиликой.

Возражения Д.В.Айналова против установленного в Отчете 1891 года авторства первых раскопок храма № 7¹⁴ были не вполне оправданно забыты после выхода популярной брошюры К.Э. Гриневича, в которой впервые храм № 7 назван базиликой Крузе¹⁵. Последняя точка зрения стала традиционной в научной литературе. Тем не менее, как свидетельствует предпринятый нами архивно-библиографический поиск, вопрос о начальном (до 1891 года) периоде исследования храма и по сей день нельзя считать окончательно решенным.

Перед началом раскопок 1998 года инженером-геодезистом В.В.Семеновым была выполнена инструментальная топогеодезическая съемка базилики и нескольких городских кварталов, к ней примыкающих (М 1:200, Рис.2;3). Одновременно с этим группа рабочих вела расчистку триконхальной апсиды, стен и всей площади базилики от накопившегося более чем за столетие мусора. Очень плохая сохранность кладок требовала большой осторожности при проведении расчисток. В ходе этих работ были получены новые данные и материалы, позволившие, с

одной стороны, проверить и дополнить уже имеющиеся описания памятника в научной литературе¹⁶, а с другой - обоснованно выбрать участки для последующих раскопок.

При поэтапной расчистке остатков кладок базилики были открыты на полную длину сложенные из разномерных блоков известняка основания колоннад (стилобаты), лишь обозначенные, но не вычерченные на опубликованных планах. В кладке южного стилобата, на расстоянии 1,0 м от стены нартекса, обнаружен участок водовода в виде желоба из положенных плашмя и поставленных на ребро прямоугольных керамических кирпичей. Нам не представлялось возможным проследить направление и выяснить назначение этого канала. Отметим только, что по линейным размерам (25,0-25,5х13,5-14х3,1-3,2см) упомянутые кирпичи аналогичны позднеантичным кирпичам из раскопок Ольвии¹⁷. Судя по находкам в самом Херсонесе, они применялись (наравне с плинфами) весьма широко - например, для вымостки дна рыбозасолочных цистерн¹⁸, а также в конструкциях арочных сводов¹⁹ и кладке стен храмов²⁰. Последнее обстоятельство особенно важно, поскольку при зачистке периметра базилики № 7 в 1998 году было найдено достаточно много осколков таких же кирпичей, в том числе с остатками строительного раствора на ложковых сторонах. Вероятно, в данном случае они использовались для выравнивания рядов кладки²¹. На основании полного сходства их с кирпичами, использованными для сооружения водовода, мы можем предпо-

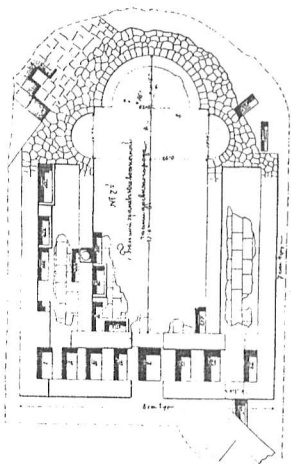

Рисунок 2.

План базилики № 7 (раскопки
К.К. Косцюшко-Валюжинича,
1891 г.)

жить, что этот желоб проложен в фундаменте колоннады базилики еще во время ее строительства.

Кроме того, при расчистке кладок храма были выявлены единичные фрагменты профильных частей и стенок раннесредневековых амфор со следами известкового раствора: фрагменты амфор типа 95 по И.Б. Зеест²² (внутренняя сторона южной экседры базилики), типов 98А и 100 по Зеест (главная апсида, снаружи; внутренняя сторона северной экседры), с рифлением типа «набегающей волны» (главная апсида, снаружи и с внутренней стороны; северная экседра, снаружи; юго-восточный угол южного нефа), фрагменты амфор-«морковок» (класс 2,

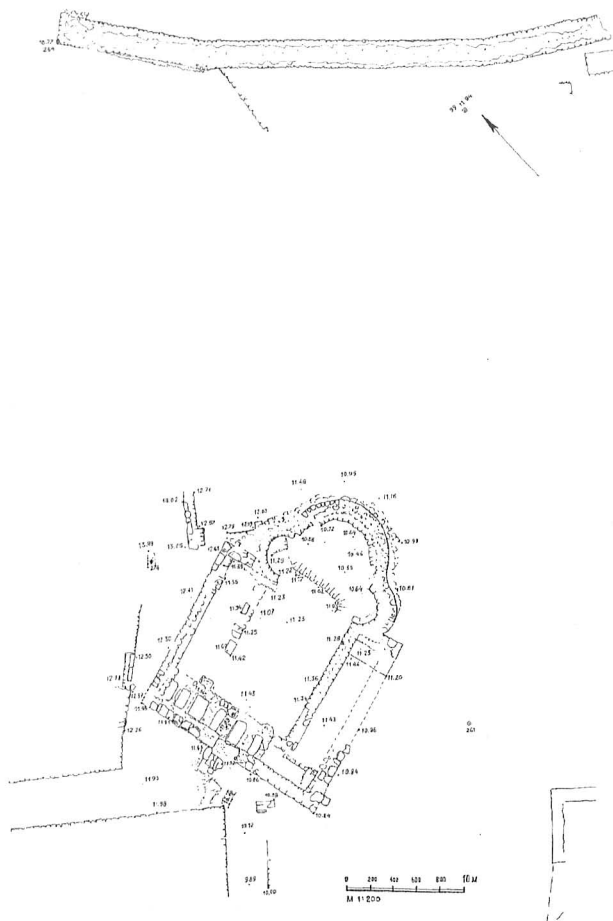

Рисунок 3.

Топографическая съемка базилики № 7 и прилегающего участка.

по классификации А.И. Романчук, А.В. Сазанова и Л.В. Седиковой²³) (с внутренней и внешней сторон главной апсиды), амфор Газы (класс 4; кладка северной стены) и сиропалестинских (класс 5; с внутренней и внешней сторон главной апсиды). Тогда же, при зачистке главной апсиды снаружи, в кладке был найден фрагмент венца пифоса, по форме характерного для тарных сосудов раннего средневековья²⁴. Два фрагмента краснолаковых блюд формы 62В по Дж.Хейсу, также со следами строительного раствора, обнаружены при расчистке изнутри южной эксседры базилики.

Перечисленные находки в целом очень характерны для керамических комплексов Херсонеса, связанных с началом строительства раннесредневековых храмов. Тем не менее, установить на их основании точную дату возведения базилики № 7 в настоящее время едва ли возможно. Во всяком случае, эти материалы, широко датируемые нами в пределах V-середины VII вв. не могут подтвердить или опровергнуть предположение А.Л. Якобсона о возможной постройке храма в V веке²⁵.

Следует отметить, что керамические находки, происходящие из зачисток по периметру базилики № 7, в целом очень малочисленны, и поэтому здесь мы приводим лишь суммарное их описание.

Из общего количества определяемых фрагментов строительной керамики (59 шт.) 13 принадлежали кирпичам (IV-VI вв.), 8 - соленам III-II вв. до н.э., 4 - соленам и калиптерам I-III вв. н.э., 10 - керамидам V-VII вв., 19 -

керамидам IX-X веков (отметим два фрагмента поля соленов с метками), 5 - соленам X-XIII веков.

Из 28 профильных фрагментов амфор 3 принадлежат сосудам II-III вв. н.э., 9 - амфорам V-сер.VII вв., 5 амфорам X-XI вв. с грушевидным корпусом и венцами воротничкового типа²⁶ (найден также фрагмент стенки с граффити) 2 (из подъемного материала) - плоскодонным кувшинам-амфорам IX-XI вв.²⁷, 1 - круглодонной амфоре XII-XIII вв. и 3 - плоскодонным амфорам XIII века²⁸ (также отметим фрагмент стенки с граффити), 4 - определить не удалось.

Фрагменты профильных частей и стенок амфор X-XIII веков, как и обломки современных им черепиц, происходят, главным образом, из расчисток наружной стороны южной эксседры, апсиды и северной стены, то есть с участков, наиболее замусоренных материалами старых отвалов.

Остальные категории массовых керамических находок либо вовсе не были представлены в сборах (как, например, лепная, чернолаковая и поливная посуда), либо же ограничивались несколькими малопоказательными фрагментами.

Из находок краснолаковой керамики, в дополнение к двум названным выше, упомянем еще один фрагмент миски формы 62В (подъемный материал) и фрагмент венчика кувшина I века н.э.²⁹, найденный в кладке у входа в центральный неф. Из семи фрагментов простых столовых кувшинов два датируются III-II вв. до н.э. (№4 и №7, с остатками строительного раствора), три (№№1-3) - V-VII вв., один (№5) не датируется и один

(№6) относится к XIII веку³⁰ (найден при расчистке северной стены базилики). Находки круговой кухонной керамики включают 4 фрагмента горшков и 3 фрагмента кувшинов, которые могут быть датированы как II-III веками, так и, не исключено, более поздним временем.

Таковы основные наблюдения по составу керамических сборов из расчисток кладок «Базилики № 7» в отчетном сезоне.

Среди прочих артефактов заслуживает отдельного упоминания осколок мраморной алтарной преграды с рельефным изображением креста, найденный в самом начале работ при расчистке среднего нефа базилики, - как единственный известный на сегодняшний день сохранившийся фрагмент интерьерной детали храма.

Базилика № 7 расположена в ХСІХ квартале Северо-восточного районе херсонесского городища и ориентирована алтарной частью на восток, с отклонением продольной оси здания на 15° к северу. Размеры постройки - 17,8x25,5 м. Общая схема планировки храма в целом типична для херсонесских раннесредневековых базилик: нартекс, три нефа и алтарная часть. Архитектурное своеобразие ей придают пропорции - значительная ширина здания почти равна его длине и главное - специфически оформленная алтарная часть в виде большой полукруглой апсиды, фланкированной с севера и юга двумя полукружьями - экседрами. Длина алтарной части - до 7 метров, диаметр боковых экседр - 3 м, центральной апсиды - 6 м. (Рис.3).

Двухпанцирные кладки стен базилики сложены из обработанных известняковых блоков на цемянковом растворе, которым скреплены и забутовка из необработанных камней; широкие вертикальные щели между блоками заложены крупными обломками черепицы и плоских кирпичей. Толщина сохранившихся участков стен значительна - 1,25-1,5 м. Наибольшая сохранившаяся высота стен - северного плеча левого нефа - 1,37 м над уровнем фундамента, центральной апсиды - 1,45 м (от уровня современной дневной поверхности). Боковые нефы достаточно узкие. Размеры левого (северного нефа - 2,9x10,5 м, правого (южного) - 2,7x10,5 м; ширина центрального нефа - 8 м. Перед входом в нартекс сохранились две вырубленные в скале ступеньки, по которым в храм можно было попасть по улице, ведущей из порта. С улицы, вымощенной плитами, в узкий нартекс вели всего два входа: один в боковой левый неф (на расстоянии 2 м от левого угла храма) шириной 1,5 м и центральный (на расстоянии 7,8 м от левого же угла здания) шириной 2,25 м. Все размеры приведены без учета размеров оформления проемов, существовавших во время функционирования храма. Третьего (правого) входа мы не обнаружили, хотя он нанесен на план, составленный М.И.Скубевым для К.К.Косцюшко-Валюжинича; не было зафиксировано и каких-либо следов от заклада дверных проемов. Нам представляется, что отсутствие правого бокового входа в притвор храма может быть связано с резким понижением рельефа ска-

лы по направлению к берегу бухты (соответственно, существенным перепадом уровня улицы от левого к правому углу базилики). Об этом можно судить и на основании сохранившихся двух рядов кладки над фундаментом здания на этом участке (размеры их по фасаду 0,25-0,26x0,5-0,9 м). Из нартекса в северный неф вел дверной проем шириной 2,0 м и в центральный неф шириной 2,25 м. Говорить о существовании и предполагаемых размерах дверного проема из нартекса в южный неф до завершения исследования памятника не представляется возможным.

На основании данных топографической съемки остатков храма и прилегающего участка городища, можно констатировать, что строителями для сооружения базилики было выбрано очень удачное место - оживленный перекресток двух улиц на крутом склоне холма, хорошо просматриваемом со всех точек нижнего (портового) участка города. Но все же существенные перепады материковой скалы как с севера на юг, так и с запада на восток значительно усложнили сооружение фундаментов храма. Строителям пришлось специально усиливать фундамент. Именно этим обстоятельством может объясняться существование внешних поясов кладки апсиды, выполнявших роль своеобразных «контрфорсов». На необычно мощные фундаменты апсиды базилики указывал А.Л. Якобсон⁴¹. Специально подчеркнем, что следов какого-либо древнего сооружения, предшествовавшего базилике №7 на этом участке (о чем упоминает К.К. Косцюшко-Валюжинич),

обнаружить не удалось. Современное состояние памятника не позволяет судить и о существовании сплошных бутовых стен, будто бы сооруженных на месте первоначальных колоннад на последнем этапе жизни памятника⁴².

Выше мы упоминали о своеобразии алтарной части базилики - триконхальной ее форме. А.Л. Якобсон объяснял это своеобразие влиянием ближневосточных традиций в христианском строительстве Херсонеса⁴³. Однако возможно иное объяснение такой особенности здания. Трехчастное деление алтарного помещения соотносится с потребностями литургии: апсида (с синтроном) играла роль пресвитерия, северная экседра - "предложения", а южная - "диаконника", что соответствует традиционному устройству алтаря в средневековых восточно-христианских храмах.

По результатам первого, подготовительного этапа работ (инструментальная съемка местности, расчистка стен с предварительным археологическим обследованием) был выполнен крупномасштабный архитектурный обмер остатков храма с указанием основных высотных отметок, а также продольный и поперечный его разрезы. Специальные археолого-архитектурные работы такого рода на базилике № 7 были проведены впервые.

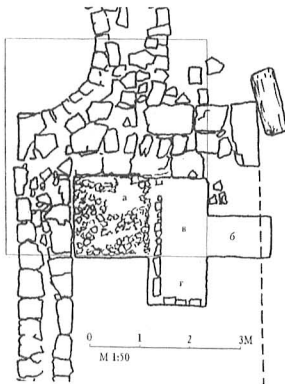
Следующий этап изучения памятника - археологические раскопки - осуществлялся на основании результатов предварительных работ. Современное состояние памятника и сравнение его с планом, опубликованным Д.В. Айналовым, позволили

установить, что южный неф базилики был менее всего раскопан, и определить его как наиболее перспективный для исследования участок. В том месте, где сходились в единый узел кладки солен, южной конхи и южного плеча базилики, был заложен квадрат со стороной в 5 м. (Рис.4;5). При этом ширина нефа и необходимость сохранения контрольной бровки в 1 м позволили раскопать только часть квадрата.

В восточной части южного нефа, на глубине 0,3 м от современной дневной поверхности, непосредственно у кладки стилобата, обнаружился известковый пол, сооруженный как основание под мраморные плиты, зафиксированные на старых планах. Сохранились только мелкие облом-

ки плит, но открытая субструкция подтвердила правильность выбора места для раскопок. При зачистке известкового основания пола, от стилобата к южной стене базилики, была обнаружена плитовая могила, ориентированная вдоль нефа с запада на восток (Рис.6). Открытие могилы заставило скорректировать предварительный план раскопок и сконцентрировать все усилия на ее изучении. Для выявления полного контура могилы пришлось сделать две прирезки к квадрату № 1: южную и западную. Центральная и восточная части могилы были обозначены литерой В.

Могила, двадцатая по общему счету погребений на этом участке (19 были исследованы в храме в прошлом столетии), сохранилась частично; ее южный продольный край был, вероятно, разрушен вместе с южной стеной здания. Внутренние размеры могилы 2,25x0,85 м при глубине 0,55 м. Известняковые блоки обкладки сохранились только вдоль северного продольного и западного поперечного бортов. По верхней грани плитовой обкладки шла черепичная отмостка, выполненная из фрагментов соленов IX-X вв. Здесь же найдены четыре упавших камня от свода, перекрывавшего могилу (Рис.7). На камнях свода и в грунте под ними обнаружено множество (более 1100) крупных (до 20-36 кв.см) и мелких (0,25-1,5 кв.см) фрагментов штукатурки с остатками росписи. Все фрагменты были тщательно выбраны и после предварительной шифровки в поле переданы для консервации и дальнейшего камерально-

Буквами на плане обозначены:

- а - участок субструкции пола
- б - южная прирезка (Probe 1)
- в - центральная и восточная части могилы
- г - западная прирезка (trench 1), западная часть могилы

Рисунок 4.

План раскопок 1998 г.

го изучения в отдел научной реставрации Национального заповедника «Херсонес Таврический». Заметим, что штукатуркой были покрыты и стены могилы, сложенные из необработанных и полуобработанных известняковых камней.

Только после осторожного удаления камней рухнувшего перекрытия стало возможным приступить к исследованию основного погребения. Заполнение могилы состояло из серовато-коричневого суглинка, насыщенного мелким бутовым камнем, обломками штукатурки, осколками мелких человеческих костей; присутствовали немногочисленные фрагменты керамики. Грунт удалялся горизонтальными слоями примерно по 10 см толщиной, с поэтапной зачисткой открываемых костей погребенных и их графической и фотофиксацией.

Антропологическое определение найденных костей выполнено научным сотрудником Национального заповедника «Херсонес Таврический» А.Ивановым, показало следующее. Могила, несомненно, использовалась длительное время для неоднократных захоронений. В этом погребении обнаружены останки восьми взрослых и не менее чем одиннадцати детей. Все погребенные лежали головой на запад. Костяки очень плохой сохранности. В относительном анатомическом порядке сохранились кости только первого («нижнего») погребенного (Рис.8;9). Согласно антропологическому заключению, этот костяк принадлежал мужчине в возрасте до 30 лет. Он лежал на спине, ноги вытянуты, ле-

Рисунок 5.

Общий вид раскопа 1998 г.

вая рука была вытянута вдоль туловища, правая - согнута в локте почти под прямым углом, кисть лежала в области таза. Последующие подзахоронения производились поверх

Рисунок 6.

Плитовая могила в раскопе 1998 г.

первого, при этом костяки предыдущих захороненных сдвигались к краям могилы. Нарушенный анатомический порядок и плохая сохранность костяков могут объясняться неблагоприятными почвенными условиями и неглубоким залеганием погребенных от современной дневной поверхности. Кроме этого, нарушение первоначального состояния погребения могло произойти в результате разрушения могилы в древности или при раскопках базилики в XIX веке. (Как мы отмечали выше, южная часть могилы не сохранилась).

В заполнении могилы найдены немногочисленные предметы: небольшой стеклянный браслет, 16 медных (часть - с позолотой) пуговиц-подвесок. Возле одного из черепов (№2) были найдены парные подвески-«серьги» и раковина каури. В слое 4 у северного борта могилы найден железный гвоздь и мелкие обломки строительной керамики (в том числе черепиц XII-XIII вв), попавших в могилу, вероятно, вместе с затеком грунта, после разрушения арочного свода.

Рисунок 7.

Рухнувшие плиты свода, перекрывавшие могилу.

После проведения необходимой фото- и графической фиксации погребений, костные останки были извлечены из могилы, а после завершения антропологического анализа перезахоронены на новом месте. Стены и дно могилы были зачищены и зафиксированы на чертеже, а небольшой участок в ее западной части был прокопан на контрольную глубину в 20 см. В результате удалось выяснить, что дно могилы состояло из плотного грунта, лежащего на рыхлой щебенистой почве без какого-либо археологического материала.

Керамические находки в грунте двух верхних горизонтов квадрата I (восточный конец южного нефа) включали немногочисленные разрозненные осколки строительной керамики, амфор, кухонной и столовой посуды.

В основном были представлены материалы I-III, V-VI и X-XIII вв. К первой группе относятся фрагменты двух керамид, (амфор типа 72/73 по Зеест (5 стенок), кухонного горшка и ойнохои, краснолаковых сосудов - кувшина и миски с закругленными краем³⁴. Ко второй группе принадлежат 8 фрагментов плоских прямоугольных кирпичей, обломки профильных частей и стенок раннесредневековых амфор: типа 95 по Зеест (7 стенок), типа 100, амфор-«морковок» (11 стенок), амфор Газы и с рифлением типа «набегающей волны» (25 стенок). Сюда же относятся два фрагмента поздних краснолаковых сосудов - осколок дна блюда (форма 2 группы «Поздний римский С»)³⁵ с характерным гребенчатым орнаментом и

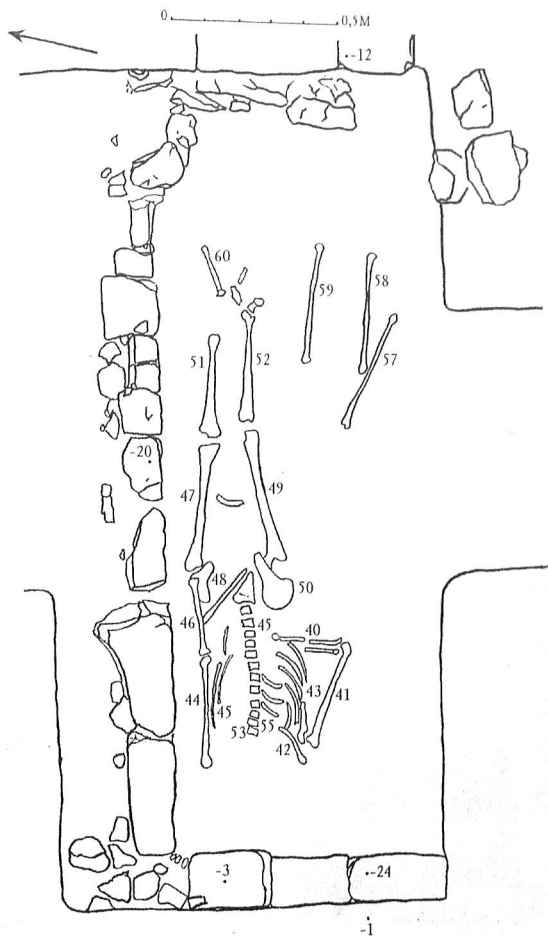

Рисунок 8.

План «нижнего» погребения плитовой могилы.

фрагмент дна миски формы 62В³⁶ (группа «Африканские краснолаковые сосуды»).

Находки более позднего времени - единичны: 1 стенка амфоры VII-IX вв. с зональным рифлением³⁷ и остатками строительного раствора; фрагмент венца плоскодонного тарного кувшина IX-XI вв., три фрагмента керамид IX-XI вв., бортик солена XII-XIII вв. Из некерамических находок отметим найденный здесь же осколок точильного бруска.

По данным полевых наблюдений, слой, содержащий вышеперечисленные фрагменты керамики, образовался поверх субструкции некогда существовавшего пола и остатков погребения уже после гибели храма, из частиц наносного грунта и материала разрушенных кладок. Не ис-

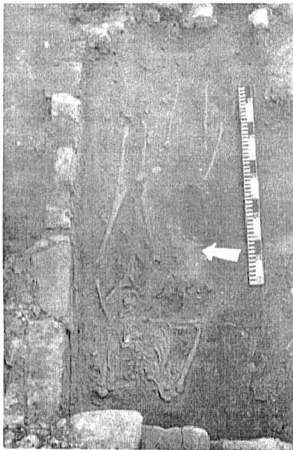

Рисунок 9.
«Нижнее» погребение плитовой
могилы.

ключено также, что мраморный пол на данном участке южного нефа был снят только в ходе раскопок XIX века, и весь грунт этого слоя содержал лишь мусорные остатки, накопившиеся с тех пор. Сходным образом объясняется состав керамических находок из заполнения могилы - все они попали туда с натечным грунтом (разобрано?) первоначальное перекрытие погребения. В составе этой группы находок, как и в большей части сборов при расчистках кладок базилики, преобладают фрагменты средневековой строительной керамики: 24 осколка кирпичей IV-VI вв, около 50 фрагментов черепиц IX-X вв. (в том числе - с водосливными валиками), 10 фрагментов керамид XII-XIII вв. (один с рельефной меткой). Профильных фрагментов амфор - всего два (венчик амфоры Газы, № 40 - ручка амфоры с рифлением типа «набегающей волны»). Из найденных здесь фрагментов стенок 27 также принадлежат амфорам V-VII вв. (восемь из них - со следами строительного раствора), 4 - амфорам I-III вв и 3 плоскодонным амфорам XII-XIII вв.³⁸

Кроме этого, при раскопках погребения найдены 4 фрагмента кухонных горшков I-III вв. и 3 - лепных сосудов .

Отдельно следует сказать о фрагментах соленов IX-X веков, выложенных в ряд по верхней кромке плитовой обкладки могилы. Они представляли своеобразную отмостку, отмечавшую контур погребения и, вероятно, также служили опорой для перекрытия погребальной камеры. Осколки аналогичных керамид

были проложены между нижним и верхним рядами плитовой обкладки могилы для компенсации разницы в высоте плит.

Реставрация и технологическое исследование металлических предметов и фрагментов стенной штукатурки, найденных при раскопках квадрата № 1, осуществлялись в лаборатории научной реставрации Национального заповедника «Херсонес Таврический». Здесь изложены данные, необходимые для более подробной характеристики археологической ситуации. Медные и бронзовые пуговицы и «височные кольца» все были найдены в западной части могилы. По заключению реставратора Н. Шведовой, из 16 найденных пуговиц 4 литые, а 12 полые двучастные, сферической формы. На 6 полых пуговицах-бубенчиках обнаружены плохо сохранившиеся следы позолоты. Три литых пуговицы сплюснуты по бокам, что придает им неправильную форму. Три «височных кольца» изготовлены из бронзы, а два - из низкопробного серебра. Оба серебряных кольца были найдены у черепа № 2.

Полые и литые пуговицы-бубенчики являлись, вероятно, принадлежностью костюма погребенных. Территориальные рамки их бытования в средневековье очень широки. Кроме Крыма и Херсонеса подобные предметы известны на Северном Кавказе и на Руси³⁹. В погребениях Новгорода бубенчики находили в области шейных позвонков, что позволило определить их как застёжки ворота рубах⁴⁰. Наши находки отчасти подтверждают правомерность такой

атрибуции, т.к. почти все бубенчики были найдены в западной части могилы, где располагались верхние части костяков. Следы позолоты дают возможность интерпретировать их не только как застёжки ворота, но и как декоративный элемент одежды. Вместе с тем, четыре пуговицы (№№ 11-14 по полевой нумерации) найдены в области таза нижнего погребенного. Заметим, что две из них оказались также позолоченными.

В процессе подбора стыкующихся обломков стенной штукатурки удалось соединить в три крупных блока фрагменты с остатками фресковой росписи, найденные на различных участках и уровнях раскопанного погребения. Фрагменты, составившие т.н. «Орнаментальную полосу А», были найдены в западной и южной прирезках к квадрату, кроме того - у северной стены могилы на уровнях 3 и 4, а также сняты с арочного камня S 4, что подтверждает их принадлежность рухнувшему арочному своду.

Фрагменты «Орнаментальной полосы В» происходят из раскопок третьего и пятого горизонтов в западной и южной прирезках, а также третьего и четвертого горизонтов в центральной части могилы.

«Орнаментальная полоса С» включает фрагменты штукатурки из второго, третьего, четвертого горизонтов в западной прирезке, из третьего и пятого горизонтов в южной прирезке к квадрату 1.

По условиям находки можно заключить, что фресковая роспись украшала, вероятно, нижнюю часть аркосолии, сооруженной над погребением. Обычно подобные погребения

ния перекрывались плитами, но в данном случае камни разрушенной арки упали непосредственно на костяки погребенных, и отколовшиеся куски штукатурки проникли в скопление костей на глубину 30-40 см. На этом основании мы можем предположить, что к моменту падения арки первоначальное перекрытие могилы уже было разобрано, а это, в свою очередь, могло произойти лишь при условии, что храм был окончательно заброшен. Таким образом, разрушение арки по времени следует за окончательной гибелью базилики № 7.

Погребения сходной конструкции хорошо известны по раскопкам херсонесских храмов позднесредневекового периода (XII-XIII вв.) - например, часовни № 4 (раскопки XIX века⁴¹), храма с аркосялами (раскопки 1963 года в Портовом районе⁴²) и храма в VII городском квартале (исследован в 1987-88 гг.⁴³). Общее ко-

личество погребенных в таких могилах могло достигать трех-пяти десятков. Находки сопутствующих предметов, как правило, очень скудны и однотипны: те же металлические пуговицы и колечки, железные гвозди, разрозненные осколки керамики.

Интересную аналогию арочному оформлению входа в подобные усыпальницы удалось отыскать среди эпиграфических памятников Херсонеса, опубликованных В.В.Латышевым. По торцу пяти камней, найденных «впереди нового собора» и некогда составлявших единую полукруглую арку, выбита надгробная надпись о кончине иеромонаха и клирика Петрония с указанием точной даты - 6692 (1183) г⁴⁴. Таким образом, погребальная конструкция, открытая раскопками 1998 года в южном нефе базилики № 7, занимает свое место в ряду характерных памятников заключительного этапа жизни города.

Примечания

1. ИАК за 1891 год.
2. Айналов Д.В. памятники христианского Херсонеса. Вып. I. Развалины храмов. М., 1905.
3. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА, вып. 63, М-Л, 1959.
4. Здесь мы пользуемся рукописью подготовленной к печати монографии И.В.Тункиной об истории археологических исследований памятников античности на юге России в XVIII-первой половине XIX вв. Автор любезно предоставил нам возможность не только познакомиться с рукописным текстом, но и использовать некоторые материалы монографии в своей работе не дожидаясь публикации книги. Мы глубоко благодарны И.В.Тункиной за столь бескорыстную дружескую поддержку.
5. Тункина И.В. К истории археологических исследований Херсонеса в первой трети XIX века // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса, 1888-1988. Тез. докл. наЗучн. конф. Севастополь, 1988. С. 119-121. В книге Ф. Дюбуа де Монпере К.Крузе упомянут как лейтенант, а в документах 1836 г. - он уже штабс-капитан.
6. Лишь только А.А.Бобринский (не известно на основании каких источников) называет автором раскопок 1827 года капитана Берха. См.: Бобринский А.А. Херсонес Таврический. Исторический очерк. СПб, 1905. С. 175.
7. Айналов Д.В. памятники христианского Херсонеса. Вып. I. Развалины храмов. М., 1905. С. 51.
8. Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА, вып. 63, М-Л, 1959. С. 8, (второй столбик, сноска 2).
9. Айналов Д.И. Ук. соч. С. 50-51.

- 10 З. Аркас. История Ираклейского полуострова и его древности. Записки Одесского Общества истории и древностей. Т. 2, Одесса, 1848. С. 257.
- 11 Dubois de Montpereux F. Voyage au Caucase chez les Tcherkesses & les Abkhases en Colchide en Georgie en Armenie et Crimée. Atlas. Serie de Geographie ancienne & Moderne ou I-e Serie. Neuchatel, Paris, 1843. Титульный лист.
- 12 Dubois de Montpereux F. Atlas. Pl. LIX.
- 13 Айналов Д. В. Ук. соч. С. 50
- 14 Айналов Д. В. Ук. соч. С. 51, 69. Согласно тексту Отчета 1891 г., мнение о тождественности базилики № 7 с одним из храмов, раскопанных К Крузе, принадлежит А. Л. Бертье-Делагарду (Архив НЗХТ, д. 2, л. 8). В библиотечном фонде Национального заповедника "Херсонес Таврический" хранится книга со статьей, подписанной П. Л. (См.: П. Л. Остатки церквей на развалинах древнего Корсуна или Херсонеса, их открытие и значение. Киевская старина. 1890). Статья принадлежит перу протоиерея Софиевского собора в Киеве П. Лебединцева. В карандашных заметках на полях этой книги К. К. Косцюшко-Валюжинич пишет, дополняя автора, о том, что в 1827 г. в Херсонесе вел раскопки "... Крузе, по поручению адмирала Грейга. Им открыты кроме того, еще два храма: за монастырской конюшней и выше шлюпочного сарая (храм № 7. 1891 г.)". Видимо, у К. К. Косцюшко-Валюжинича не оставалось сомнений в том, что исследованный им храм № 7 являлся именно тем, который был раскопан К Крузе в 1827 году.
- 15 Гриневич К. Э. Сто лет херсонесских раскопок (1827 - 1927). Севастополь, 1927. С. 10.
- 16 ОАК за 1891 год. С. 10; Айналов Д. В. Ук. соч. С. 67-70; Якобсон А. Л. Ук. соч. С. 187-188.
- 17 Крапивина В. В. Ольвия: (Материальная культура I-IV вв. н.э.). К., 1993. С. 92.
- 18 Керамическое производство и античные керамические материалы. САИ Г1-20. М., 1966. С. 49
- 19 Якобсон А. Л. Ук. соч. С. 175.
- 20 Там же. С. 156, 168, 172, 186 и др.
- 21 Там же. С. 188.
- 22 Зеест И. Б. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83. М., 1960
- 23 Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры из комплексов византийского Херсона. Екатеринбург, 1995.
- 24 Якобсон А. Л. Керамика и керамическое производство средневековой Таврики. Л., 1979. С. 18, рис. 5, № 3, 6.
- 25 Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 190.
- 26 Романчук А. И. и др. Ук. соч. [класс 43].
- 27 Там же [класс 41].
- 28 Там же. [Соответственно классы 45 и 46].
- 29 Каменецкий И. С. Городища донских меотв. М., 1993. Рис. 13, № 78. С. 69 - тип III, вариант 4
- 30 Якобсон А. Л. Керамика ... Рис. 72, № 11.
- 31 Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 188.
- 32 ОАК за 1891 год. С. 10; Айналов Развалины храмов. С. 70; Якобсон А. Л. Ук. соч. С. 188.
- 33 Якобсон А. Л. Ук. соч. С. 190.
- 34 Каменецкий И. С. Городища донских меотв. С. 45. - Миски, тип 1.
- 35 Hayes J. Late Roman Pottery. London, 1972. P. 329. - [425-450 гг.]; Романчук А. И., Сазанов А. В. Краснолаковая керамика раннесредневекового Херсона. С. 12.
- 36 Романчук А. И., Сазанов А. В. Ук. соч. С. 36. - [конец IV-VI вв.]
- 37 См.: Романчук А. И., Сазанов А. В., Седикова Л. В. Амфоры ... Табл. 22-26.
- 38 Там же. Табл. 46-48.
- 39 Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981, рис. 94, № № 33, 53, 105-108, 193, 198.; Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода. М., 1981, рис. 61, № 3-7, рис. 62, № 11, 16, 17.
- 40 Седова М. В. Ук. соч. С. 155.
- 41 Айналов Д. В. Развалины храмов ... С. 132

42. Отчет о раскопках Объединенной экспедиции Херсонесского музея и Уральского государственного Университета в 1963 г. Архив НЗХТ. Д.1138, л.120
43. Сазанов А.В. Альбом к Отчету о раскопках VII квартала Херсонеса в 1988 г. Архив НЗХТ. Д.2866, рис.120-124.
44. Латышев В.В. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб, 1896. С.33-34, № 27.

Приложение

А.В. Иванов

МОЛЛЮСКИ ИЗ РАСКОПОК БАЗИЛИКИ № 7 В 1998 Г

В ходе археологического исследования погребения была собрана небольшая выборка черноморских двустворчатых моллюсков принадлежащих 5 родам.

1 род. *Flexopecten* (A. Et. H.Adams, 1857)

Flexopecten ponticus - 1 экз.

2 род *Ostrea* (Linne', 1758)

Ostrea edulus a - 6 экз.

3 род. *Mytilus* (Linne', 1758)

Mytilus galloprovincialis a - 4 экз.

4 род. *Chamelea* (Morch, 1853)

Chamelea gallina a - 1 экз.

5 род. *Cherastoderma* (Poli, 1795)

Cherastoderma edule a - 2 экз.

Кроме черноморских видов, зафиксирован средиземноморский брюхоногий моллюск *Сургаеа топета* a., 2 раковины коего использованы для изготовления подвесок.

Из выявленных видов промысловыми являются два *O. edulus* (черноморская устрица) и *M. Galloprovincialis* (мидия), остальные виды ныне самостоятельного промыслового значения на Черном море не имеют, хотя также вполне съедобны. Все виды встречаются в р-не Севастополя на песочно-илистых грунтах на глубинах до 30 м, в

составе биоценозов устричных гряд и являются характерными видами при устричном промысле¹. Экземпляры устриц соответствуют морфологической форме, характерной для Каркинитского залива². До посл. четв. XV - сер. XVI в. данный морфологический тип был характерен для побережья Юго-Западного Крыма вплоть до м.Херсонес и являлся доминирующим в структуре популяции устриц в Севастопольской бухте, позднее деградировавшей в процессе Корсунской регрессии уровня Черного моря. С кон. XVI по начало настоящего столетия популяция *O. edulus* у Юго-Западного побережья Крыма восстанавливается за счет южнобережных устриц, обладающих иным комплексом морфологических признаков, характеризовавшимися исследователями в качестве «Севастопольской устрицы»³. Присутствие в выборке экземпляров *Cherastoderma edule* - вида, более терпимого к распреснению, может свидетельствовать о том, что промысел устриц велся в верховьях Севастопольской бухты в районе современной Келмен-балки и Голландии⁴.

Примечания

1. Зернов С.А. Основные черты распределения животных в Черном море у Севастополя // Известия имп. АН. СПб., 1912. С.50.
2. Карнов В. Отчет о командировке на Черное море для изучения устричного дела // СПб. - 1903.
3. Карнов В. Отчет о командировке на Черное море для изучения устричного дела. // СПб. - 1903; Шталь В.А. Устриководство на Черном море // Труды русского имп. Общества по акклиматизации животных и растений. Т.5. Ч.3. СПб. 1898.
4. Скорлато О.Я., Старблатов Я.И. Двустворчатые моллюски // Определитель фауны Черного и Азовского морей. Т.3., Киев. 1972.